

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Следите за расследованиями
детектива Эрики Фостер:

Девушка во льду

Ночной Охотник

Темные воды

Последнее дыхание

Холодная кровь

РОБЕРТ
БРЫНДЗА
НОЧНОЙ
ОХОТНИК

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Яну, Рики и Лоле

День благодатный, задремав, затих;
Мрак на добычу выслал слуг своих.

*У. Шекспир. «Макбет»**

Глава 1

Вечер на исходе июня выдался знойным и душным. По узкой тропинке бежал человек в черном — мчался бесшумно сквозь темноту, ногами едва касаясь земли, грациозно лавируя меж плотно стоящими деревьями и кустами, ловко подныривая под ветки. Словно по листу скользила бесплотная тень.

Вверху между кронами виднелась лишь тонкая полоска вечернего неба, в укрытом смогом мелколесье царила сумеречная мгла. Человек — маленький призрачный силуэт — резко остановился у бреши в кустах с правой стороны: собранный, запыхавшийся, с гулко бьющимся сердцем.

Округу осветил сине-белый луч. Это поезд, отправившийся в 19.39 к станции «Лондон-бридж», переключился с дизелей на электротягу, зацепившись металлическими лапами за проходившую поверху линию электропередачи. Тень пригнулась, пережидая, когда мимо

* У. Шекспир. «Макбет». Акт III, сцена 2. Перевод М. Лозинского. — *Здесь и далее примеч. пер.*

прогрохочут освещенные вагоны. Еще две вспышки, и поезд исчез вдаль. Узкая полоса мелколесья вновь погрузилась в темноту.

Тень снова сорвалась с места и беззвучно заскользила по тропинке, которая постепенно отклонялась от железнодорожных путей. Слева деревья начали редеть, открывая взору ряд стандартных домиков, построенных вдоль дороги. Мимо замелькали задние дворы — чистенькие темные участки с садовой мебелью, сараями для инвентаря и качелями, замершие в вязком вечернем воздухе.

Наконец показался тот самый дом. В викторианском стиле, как и все остальные в длинном ряду — трехэтажное здание из светлого кирпича, — но с большой стеклянной пристройкой на уровне первого этажа, которую владелец дома добавил к его заднему фасаду. Миниатюрная Тень про хозяина знала абсолютно все. Знала планировку дома. Знала распорядок дня хозяина. И — самое главное — знала, что сегодня вечером он будет в доме один.

Тень остановилась на краю сада. У проволочного ограждения, к которому подступала тропинка, стояло большое дерево. В одном месте в ствол врос металлический столбик, и складки древесины вгрызались в ржавую подпорку, словно огромный безгубый рот. Разлапистая крона в ореоле густой листвы раскинула свои ветви во всех направлениях, заслоняя от дома железную дорогу. Несколько дней назад, вечером, Тень, пробравшись к дому тем же путем, аккуратно подрезала по краям участок проволочного ограждения и затем приложила его на место. Теперь проволочная сетка легко отгибалась. Пригнувшись, Тень пролезла в дыру. Трава была сухая, земля растрескалась: дождя не было уже несколько недель. Тень под деревом выпрямилась во

весь рост и метнулась к дому, словно черный сгусток прокатился по газону.

Кондиционер, вмонтированный в заднюю стену, громко урчал, заглушая тихий хруст шагов по гравию, что покрывал узкую дорожку, отделявшую стеклянную пристройку от соседнего дома. Тень добралась до низкого подъемного окна и пригнулась под широким карнизом. Освещенное окно отбрасывало желтое квадратное пятно на кирпичную стену соседнего дома. Натянув на голову капюшон спортивной кофты, Тень осторожно приподняла лицо над широким карнизом и заглянула в окно.

В доме находился высокий статный мужчина лет тридцати пяти. В брюках песочного цвета и белой рубашке с закатанными рукавами, он расхаживал по просторной кухне открытой планировки. Достал из шкафа бокал, налил красного вина, отпил большой глоток, плеснул еще. На столе стоял лоток с готовым ужином из магазина. Мужчина вытащил его из картонной упаковки, штопором поддел пластиковую крышку.

Тень захлестнула ненависть. Зная, что сейчас произойдет с этим человеком, она испытывала пьянящее чувство, наблюдая за ним.

Мужчина запрограммировал микроволновку и поставил в нее лоток с ужином. Раздался сигнал, цифры на дисплее замелькали в обратном порядке.

Шесть минут.

Глотнув из бокала вина, мужчина вышел из кухни. Спустя мгновения зажегся свет в окне ванной, находившемся прямо над тем местом, где притаилась Тень. Окно чуть приоткрылось, взвизгнул кран, заработал душ.

Тень за окном, слыша, как в груди грохочет сердце, быстро принялась за дело: расстегнула поясной коше-

лек, достала маленькую плоскую отвертку и просунула ее в щель между рамой и карнизом. Чуть поднадавила, и окно поддалось, плавно приподнявшись вверх. Тень скользнула в образовавшийся проем. Наконец-то. Несколько лет тщательного планирования, мук и сомнений...

Четыре минуты.

Тень шагнула на кухню, подскочила к столу и, вытащив маленький пластмассовый шприц, впрыснула в бокал с красным вином прозрачную жидкость. Затем осторожно взболтала вино и снова поставила бокал на стол с черной гранитной поверхностью.

С минуту Тень стояла, прислушиваясь, наслаждаясь прохладой из кондиционера. Черная гранитная столешница искрилась в свете ламп.

Три минуты.

Тень быстро прошла через кухню, мимо деревянных перил у подножия лестницы и нырнула в темный угол за дверью гостиной. Мгновением позже по лестнице стал спускаться мужчина. Его наготу прикрывало лишь полотенце. Микроволновка три раза громко пикнула, оповещая о том, что ужин подогрет. Босоногий мужчина прошлепал мимо. Тень уловила запах чистого тела, потом услышала звяканье доставаемых из выдвижного ящика столовых приборов и царапанье ножек стула по деревянному полу. Мужчина сел ужинать.

Протяжно выдохнув, Тень выступила из темноты и бесшумно поднялась по лестнице на верхний этаж.

Чтобы наблюдать.

Чтобы ждать.

Чтобы привести в исполнение план долгожданной мести.

Глава 2

Четыре дня спустя

На тихой улице в южной части Лондона было душно и влажно. В оранжевом сиянии уличного фонаря, освещавшего типовые домики, что стояли в ряд вдоль дороги, роились мошки. Эстель Манро ковыляла по тротуару, еле тащилась из-за артрита. Возле фонаря она сошла с тротуара на проезжую часть. Переступая через бордюр, Эстель издала страдальческий стон, но боязнь мотыльков возобладала над болью в пораженных артритом коленях.

Эстель протиснулась между двумя припаркованными машинами и вышла чуть ли не на середину дороги, обходя уличный фонарь. От асфальтового покрытия исходил жар, накопившийся от солнца за день. Зной держался уже вторую неделю, мучая всех жителей Лондона и юго-восточной Англии, и сердце Эстель, как и тысяч других людей, выражало свой протест. Где-то вдалеке, словно отзываясь на ее мысли, завывала сирена «скорой помощи». Два следующих уличных фонаря, слава богу, были разбиты, и Эстель, протиснувшись между двумя другими припаркованными машинами, благополучно вернулась на тротуар.

Она сама вызвалась кормить кошку своего сына Грегори в его отсутствие. Кошек Эстель не любила и услуги свои предложила лишь затем, чтобы разнюхать, как поживает ее сын с тех пор, как от него ушла жена Пенни, забрав с собой пятилетнего Питера, внука Эстель.

И вот, наконец, запыхавшаяся, потная, она остановилась у калитки перед домом Грегори — самым красивым на всей улице, на ее взгляд. Эстель вытащила из-под ляжки бюстгальтера большой носовой платок и промокнула с лица пот.

По стеклянной двери струились отблески уличного фонаря. Эстель достала ключ, отперла дверь и неохотно ступила через порог, прямо на письма, что лежали на коврике. В лицо ударила волна удушающе жаркого воздуха. Она щелкнула выключателем у двери, но свет не зажегся.

— Черт, опять, — буркнула Эстель, закрывая за собой дверь. Подбирая в темноте почту, она вдруг подумала, что за время отсутствия Грегори электричество в его доме отключается уже в третий раз. Один раз замкнуло из-за аквариумного освещения, в другой раз Пенни забыла выключить свет в ванной, и лампочка лопнула.

Эстель выудила из сумки мобильный телефон и узловатыми пальцами неловко разблокировала дисплей, который отбросил неяркий круг света на пол в нескольких шагах перед ней, озарив светлый ковер и стены узкого коридора. Она вздрогнула, заметив свое призрачное отражение в большом зеркале, висевшем слева от нее. Тусклый свет придал лилиям на ее блузке без рукавов ядовитый чернильный оттенок. Эстель направила светящийся экран телефона на ковер перед собой, прошаркала к гостиной и стала нащупывать выключатель на стене — хотела убедиться, что это не лампочка в коридоре перегорела. Щелкнула выключателем туда-сюда. Свет не зажегся.

Потом дисплей погас, и Эстель окутал крошечный мрак. Тишину дома нарушал лишь присвист ее тяжело-

го дыхания. Она запаниковала, судорожно пытаясь разблокировать телефон. Поначалу скрюченные пальцы не повиновались, но в конце концов ей удалось отключить блокировку, и экран снова засветился, озарив гостиную мглистым голубым сиянием.

В доме стояла жуткая духота; жара стискивала ее, забивалась в уши. Словно находишься под водой. В воздухе мельтешили пылинки. Над большим декоративным фарфоровым блюдом с коричневыми деревянными мячиками, что стояло на журнальном столике, плавно кружило облако мошек.

— Просто пробки выбило! — сердито воскликнула Эстель. Ее голос резко отрикошетил от железного камина. Ей было досадно, что она паникует. В доме выбило автомат, вот и все. И чтобы доказать самой себе, что бояться нечего, сначала она выпьет холодной воды, а потом включит автомат. Эстель повернулась и, держа на вытянутой руке телефон, решительно заковыляла на кухню.

В тусклом сиянии дисплея стеклянная кухня, простиравшаяся в сад, походила на пещеру. Эстель казалось, что она вся на виду, и оттого чувствовала себя незащищенной. По железной дороге, проходившей недалеко от сада, со свистом и клацаньем пронесся поезд. Эстель подошла к буфету, достала стеклянный бокал. В глазах щипало от затекавших в них капель пота. Ладонью она вытерла лицо, подошла к раковине, наполнила бокал и, морщась, выпила теплую воду.

Экран телефона снова погас. Тишину разрубил грохот, раздавшийся на верхнем этаже. Эстель выронила бокал. Тот разбился, осколками усыпав деревянный пол. У нее участился пульс, сердце заходило в груди.

Стоя в темноте, она прислушалась. Сверху донесся шорох. Эстель схватила со стола скалку, стоявшую в горшке с утварью, и подошла к подножию лестницы.

— Кто здесь? У меня газовый баллончик, и я набираю «999»! — крикнула она в темноту.

Ответом ей было молчание. Гнетущая жара становилась невыносимой. У Эстель пропала всякая охота обследовать жилище сына. Ей хотелось одного — вернуться в свой уютный светлый дом, сесть перед телевизором и смотреть лучшие моменты матчей Уимблдонского турнира.

Что-то выскочило из темноты навверху и помчалось по лестнице прямо на нее. Эстель в ужасе попятилась, едва не выронив телефон. Потом увидела, что это кошка. Та остановилась и стала тереться об ее ноги.

— Ах негодница, как же ты меня напугала! — Эстель вздохнула с облегчением, сердце забилося ровнее. С верхней площадки лестницы исходил смердящий запах. — Этого мне только не хватало. Нагадила там, да? Для тебя же приготовлен специальный лоток, да и на улицу могла бы выйти через свою дверь.

Кошка равнодушно смотрела на Эстель. В кои-то веки она была рада ее присутствию.

— Пойдем, покормлю.

Эстель направилась к стенному шкафу под лестницей. Кошка следовала за ней, и ее это успокаивало. Животное терлось об ее ноги, пока она искала электрощиток. Открыв его маленькую пластиковую крышку, Эстель увидела, что выключен основной рубильник. *Странно*. Она щелкнула автоматом, и коридор наполнился светом. Где-то в доме пикнуло, зажужжал кондиционер.

Эстель вернулась на кухню, включила свет и в огромных окнах увидела отражение комнаты и свое собственное. Кошка запрыгнула на стол, с любопытством наблюдая, как она сметает осколки разбитого бокала. Управившись со стеклом, Эстель вскрыла упаковку с кошачьим кормом и выложила его на блюдец, которое поставила на каменный кухонный пол. Кондиционер быстро охлаждал дом. С минуту она постояла под потоком прохладного воздуха, глядя, как кошка маленьким розовым язычком изящно лижет и кусает желеобразный кубик.

Кондиционер гонял воздух по дому, и зловоние усиливалось, добираясь до кухни. Кошка звонко зацокала языком по пустому блюдцу, долизывая остатки корма, затем метнулась к стеклянной стене и нырнула в кошачью дверцу.

— Поела и убежала. А мне теперь убирать, — пробурчала Эстель. Она взяла тряпку, старую газету, прошла к лестнице и стала медленно взбираться наверх, преодолевая боль в коленях. Чем выше она поднималась, тем сильнее ощущала жару и смрад. Наконец она ступила на ярко освещенную лестничную площадку и принялась методично обыскивать все помещения: проверила пустую ванную, комнату для гостей, заглянула под стол в небольшом кабинете. Кошачьих «сюрпризов» нигде не было видно.

Возле спальни вообще стало трудно дышать от вони, которая застревала в горле. *Ничто не пахнет так отвратительно, как кошачьи испражнения*, подумала Эстель.

Она вошла в спальню, зажгла свет. По комнате с заунывным жужжанием летали мухи. На двуспальной